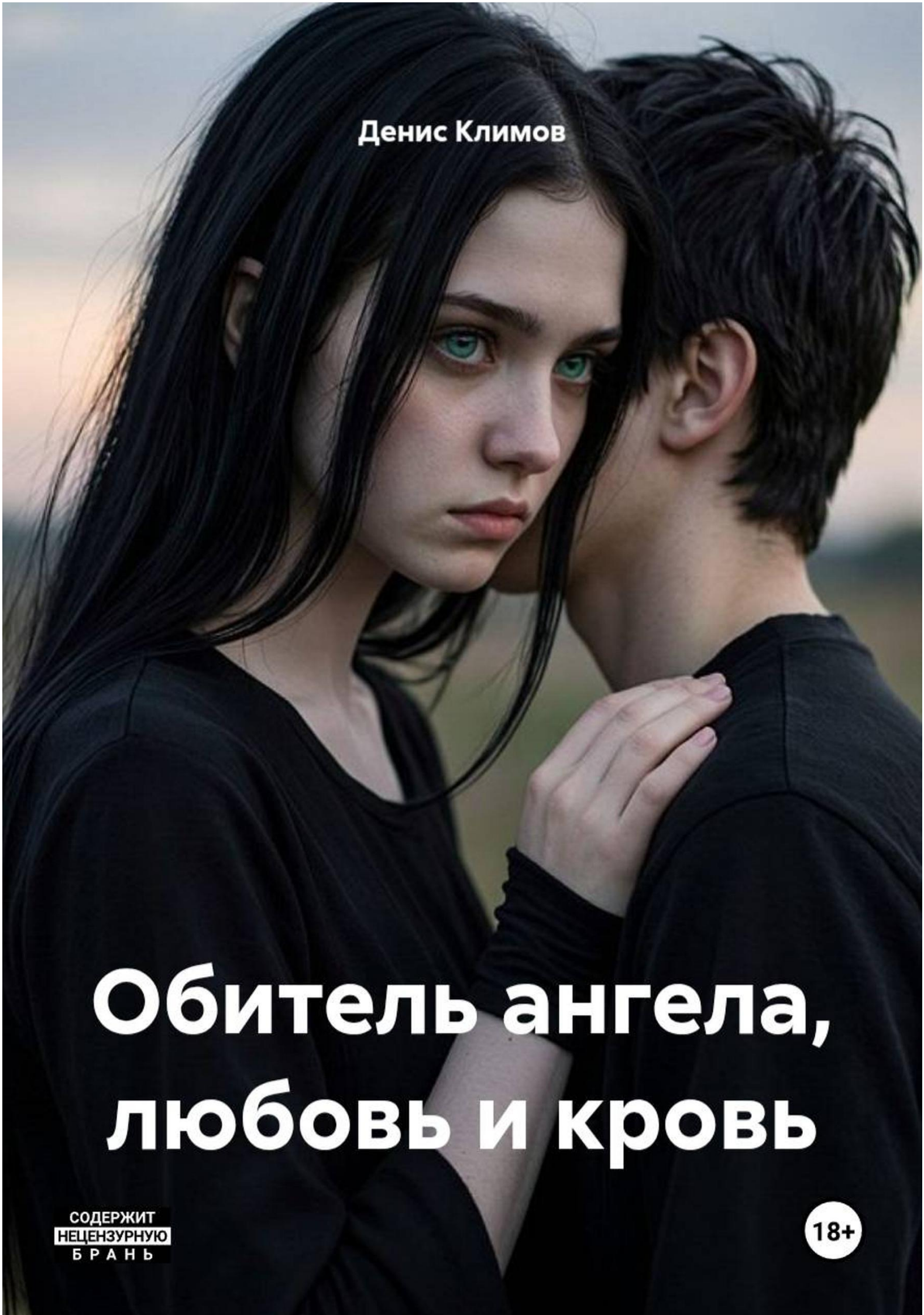

Денис Климов
Обитель ангела, любовь и кровь
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Денис Климов

Обитель ангела, любовь и кровь

«Автор»
2026

Климов Д.

Обитель ангела, любовь и кровь / Д. Климов — «Автор», 2026

В шестнадцать лет Лена Ангелова покидает родной Кирово-Чепецк и переезжает в Киров, где поступает в десятый класс. В школе она встречает загадочного юношу, который скрывает от всех мрачную тайну: он вампир и член тайной секты. Этот парень начинает проявлять к Лене особое внимание. Однако её сердце всё ещё принадлежит первой любви.

© Климов Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Денис Климов
Обитель ангела, любовь и кровь

Глава 1

Лена мыла руки, когда дверь туалета ввалилась внутрь вместе со стайкой старшеклассниц. Впереди шла Кристина — десятый класс, выжженный блонд, дешевые сапоги на каблуках, которые цокали по кафелю, как копыта.

— О, гляди, — Кристина ткнула длинным, облупившимся ногтем в сторону Лены. — Наша Эйфелева башня. Подруги заржали, эхом отдаваясь от кафеля. — Слышь, дылда. Тебя вчера видели. Возле заброшки. Со Стасом. — Кристина подошла вплотную, намеренно перекрывая выход своим телом.

— Отвали, — Лена дернулась в сторону, пытаясь проскользнуть к двери. — Мы просто… случайно встретились.

Кристина выставила ногу в тяжелом сапоге, намертво блокируя проход. Внутри у Лены всё схлопнулось в ледяной, звенящий комок. «Только не реагируй. Если огрызнешься — вцепится в волосы. Она ищет повод. Не давай». Она вскинула голову, используя свой рост, и попыталась просто перешагнуть выставленную ногу, как через бревно.

— Он мне не нравится! Я не хочу в это лезть! — слова вылетели писклявым, жалким звуком.

— Малолетняя шлюха, — выплюнула Кристина, глядя прямо в расширенные от ужаса зрачки Лены. — Тебе в куклы играть надо в твоем возрасте, а не за парнями бегать.

— Сама ты шлюха! — выкрикнула Лена, и это был звук ломающейся ветки. Она потеряла контроль.

Она лягнула Кристину, целясь в голень, но сапог принял удар на себя, не шелохнувшись.

— Ах ты сука! — Кристина метнулась вперед. Ее пальцы впились в волосы Лены, наматывая длинные пряди на кулак, как леску. — Ты на кого тянешь, дылда?! Лена взвыла. Она била по запястью, пыталась укусить руку, но Кристина была тяжелее, злее, она навалилась всем весом. Подруги обступили их плотным, пахнущим сладкими духами кольцом, отрезая путь к двери.

— Нравится, шлюха? — Кристина дернула волосы вниз с такой силой, что в шее Лены хрустнуло. Колени ударились о мокрый кафель. Кристина уперлась коленом ей в позвоночник, вдавливая в пол. — Проси прощения, дылда. Скажи, что ты блядь. Скажи, что сама лезешь, куда не просят!

Лена задыхалась. Слезы текли не ручьями — они просто заливали глаза. Она пыталась разжать эти стальные пальцы, но Кристина держала намертво, упираясь коленом между лопаток так, что легкие отказывались вдыхать.

— Пусти, сука! — Лена извернулась и лягнула снова, вложив в удар всю панику. Снова сапог.

— Тварь! — Кристину перекосило от злости. Она перехватила волосы у самого корня и потащила Лену по холодному, мокрому кафелю прямо к унитазу. Каблуки Кристины выбивали дробь по полу. — Сейчас я объясню по-другому! — прошипела она, надавливая коленом на поясницу Лены, пригвождая ее к полу. Лена почувствовала, как ее макушку вжимают в ледяной фаянс. Край унитаза врезался в висок.

— Открой рот, — прошипела Кристина ей на ухо, усиливая давление на затылок. Лена почувствовала резкий запах. — Нравится, шлюха малолетняя?

Лена забилась в агонии. Она пыталась вдохнуть, но рука Кристины давила на затылок, вжимая лицо в ледяную воду. Вода в унитазе пахла хлоркой, застоявшейся мочой и ржавчиной. Это был запах самого дна, запах публичного унижения. — Поняла свое место?! — Кристина надавила коленом на спину, ломая сопротивление. — Признайся, что ты шлюха-переросток! Что не будешь совать свой нос! И я, может быть, оставлю тебя в покое. А если нет — будешь пить отсюда. Каждый день. Поняла? Каждый гребаный день, пока не поймешь свое место!

В этот момент дверь туалета с грохотом, от которого содрогнулись стены, распахнулась, ударившись о кафель. На пороге стоял Стас.

Картина была ясна с первого взгляда. Лена на коленях, лицом в унитазе. Кристина, вдавливающая ее затылок в фаянс. Стая вокруг.

В туалете, полном девиц, повисла мертвая, звенящая тишина. Кристина инстинктивно отдернула руку от волос Лены, делая крошечный, неуверенный шаг назад. Стас не произнес ни слова. Он просто шагнул внутрь.

Подошва его тяжелого кроссовка опустилась на кафель с влажным хрустом. Звук был громче, чем любой визг. Стас не смотрел на Лену. Он вообще не смотрел на нее. Его темные глаза, обычно тусклые, сейчас горели абсолютно черным, мертвым огнем, и этот огонь был прикован к лицу Кристины.

Он подошел к ней вплотную, сократив расстояние до нуля. Стас не ударил ее. Он просто взял ее за горло. Одной рукой. Его пальцы сомкнулись на шее Кристины. Не сильно. Но трахея — тонкая вещь. Кристина замолчала. Ее руки беспомощно заскребли по запястью Стаса, оставляя красные полосы на коже.

— Еще раз, — сказал Стас. Его голос был тихим, лишенным всяких эмоций, похожим на скрежет металла по стеклу. — Еще раз ты тронешь ее. Он не повышал голос. В этом не было нужды. Он чуть сжал пальцы. Кристина захрипела, ее лицо начало наливаться багровым, глаза полезли из орбит. — Я найду тебя, — продолжил Стас, глядя ей прямо в расширенные от ужаса зрачки. — Даже если ты спрячешься в подвале. Я найду тебя. И ты будешь умолять меня, чтобы я просто тебя убил. Он разжал пальцы.

Кристина рухнула на колени, царапая свою шею, издавая влажный, клокочущий звук — она пыталась заново научиться дышать. Только тогда Стас посмотрел на Лену. Он смотрел на нее. На ее мокрые, слипшиеся от грязной воды волосы. На ее лицо, на котором смешались слезы и грязь.

— Еще раз… кто-нибудь тронет мою девчонку, — его голос упал до шепота, но этот шепот резал слух, как битое стекло. — Забью насмерть. На куски порву. Стас медленно подошел к Лене, опустился на колени прямо в лужу на холодном полу. Он схватил ее за плечи и прижал к себе, зарываясь лицом в ее мокрые волосы.

— Моя, — прохрипел он ей в макушку, и от вибрации его голоса Лену затрясло еще сильнее. — Только моя. Поняла?

Лена вцепилась в его куртку, как утопающий в обломок мачты.

«Только не отпускай. Господи, только не отпускай меня. Если он сейчас разожмет руки, я снова окажусь там, на кафеле, лицом в эту вонючую воду. Я рассыплюсь. Я просто рассыплюсь на куски, и они будут лежать здесь вечно».

Она не плакала. Она просто вдыхала его запах — табак, холодную кожу куртки, его собственный, звериный запах — и понимала, что теперь у нее есть тот, кто перегрызет горло любому, кто посмеет косо на нее посмотреть.

«Он убил бы ее. Он бы реально убил ее прямо здесь. Одним движением.»

Стас вдыхал запах ее волос, чувствуя, как бешено, загнанно колотится ее сердце о его ребра — часто-часто.

Но потом он вдохнул глубже. Под запахом воды из унитаза, дешевого цветочного мыла и страха он уловил другой, резкий, медный запах.

Кровь. Она была на ее скуле. Тонкая струйка уже начала сворачиваться, темнея на свету, пробиваясь сквозь слой грязи. Стас замер.

Лена почувствовала, как он замер. Его руки, только что державшие ее мертвой, собственнической хваткой, вдруг стали осторожными, почти нежными. Он отстранился немного, чтобы видеть ее лицо. Его темные глаза, только что бывшие абсолютно черными от ярости, теперь сузились, сканируя ее черты. Он смотрел не в ее глаза. Он смотрел на ее скулу. На капельку крови, которая уже начала сворачиваться, собираясь в густую, темную каплю.

Его лицо изменилось. Уголок рта дернулся вниз, обнажая зубы. Челюсти сжались так, что на скулах заходили тяжелые, острые желваки. Это была не злость. Это была чистая, дистиллированная, белая ярость. Стас издал низкий, горловой звук — не слово, а рык загнанного в угол волка. Он снова прижал ее к себе, но теперь это было не объятие. Это был захват. Он зафиксировал ее голову у себя на груди, под подбородком, полностью скрывая ее лицо от всех, пряча ее.

— Никто! — его голос был глухим, вибрирующим от едва сдерживаемой силы. — Никто! — повторил он, и Лене показалось, что кафель треснул от этого звука. — Никто, слышишь, больше не посмеет тебя обидеть!

Он не стал гладить ее по спине. Его ладонь легла ей на затылок, фиксируя голову, а вторая рука легла на ее поясницу, прижимая к себе так, что она почувствовала каждую пуговицу, каждый шов на его куртке. Он не пытался ее успокоить словами. Он просто накрыл ее собой, превращаясь в живой, дымящийся от ярости щит.

Он сидел так, вдыхая запах ее крови, обнимая. Он не хотел ее отпускать. И Лена, дрожа всем телом, вжималась в него…

Глава 2

Кирово-Чепецк, 2007 год.

Это было странное время. Советский Союз уже стал легендой из учебников, а глянец нулевых с их «Домом-2» и плазменными панелями еще не дотянулся до серых панелек провинциальной Вятки. Город застрял между девяностыми и десятыми. Здесь все еще воняло ссаниной в подъездах и стояли ларьки с «Жигулевским» на розлив, но у каждого второго школьника в кармане широких штанов уже вибрировал кнопочный Sony Ericsson.

Конец октября — это когда небо ложится на плечи. В этом году оно было свинцовым, низким и висело так плотно, что, казалось, раздавит крыши панельных пятиэтажек.

Лена бежала, перепрыгивая через лужи.

В свои тринадцать она уже переросла многих старшеклассниц — сто семьдесят два сантиметра, костлявые коленки, острые локти и длинная шея. В мире плотных, налитых девочек в лосинах и с розовыми тенями она выглядела как инопланетянка. Из-за высокого роста она всегда сутулилась, пытаясь стать меньше, незаметнее. У нее были тонкие, почти аристократичные черты лица: высокие скулы, бледная кожа, которая не знала южного солнца, и огромные зеленые глаза. В этих глазах всегда читалась легкая паника или отстраненность. Губы тонкие, бледные, часто закушенные от напряжения.

Водолазка намокла и прилипла к спине, обозначив каждую выпирающую лопатку. Старые осенние ботинки хлюпали: подошва на носке давно отклеилась и теперь шлепала по грязи, как ласта. С каждым шагом чавканье становилось громче, всасывая ботинки в глиняное месиво.

Путь через гаражи был самым коротким, но в такую погоду он превращался в полосу препятствий. Когда до спасительного козырька ее подъезда оставалось метров триста, небо прорвало. Ледяной октябрьский дождь ударил по лицу, заливая глаза, забиваясь в нос и рот.

Лена рванула вперед, но нога поехала по размокшей глине.

Она рухнула.

Не изящно, не сгруппировавшись — просто проехавшись коленями по грязи и мелкому гравию. Левая ладонь, которой она попыталась смягчить удар, провалилась прямо в ледяную жижу. Портфель раскрылся, и тетради по алгебре начали стремительно превращаться в серую бумажную кашу.

Зареветь хотелось до одури, до спазм в горле, но она, пачкаясь в грязи по локти, сгребла учебники к груди, прижимая их к себе, как слепых котят.

Идти дальше под таким ливнем было невозможно — вода лилась сплошной стеной, превращая мир за пределами вытянутой руки в мутное пятно.

Впереди, метрах в пятидесяти, темнела недостроенная пятиэтажка — местная заброшка, которую бросили в девяностых, так и не доделав крышу. Огромный бетонный скелет, обглоданный временем и мародерами. Вместо стекол в оконных проемах торчали черные ребра рам, а на верхних этажах гулял ветер, качая ржавую арматуру, отчего вся конструкция тихо, постарчески стонала.

Здесь воняло. Густой, тошнотворный запах — смесь паленой резины, дешевого портвейна «777», застарелой мочи и сырой гнили — ударил в нос еще на подходе. Лена, слегка прихрамывая, побрела к этому бетонному острову.

Внутри, на втором этаже, на бетонном полу сидела компания. У костра, разведенного прямо в старой эмалированной кастрюле, передавали по кругу пластиковую полторашку с разбавленным спиртом и бренчали по очереди на раздолбанной гитаре. Ливень грохотал по перекрытиям так, что заглушал любые голоса, превращая их попытки в бессмысленное бормотание. Дождь отрезал их от внешнего мира, создавая вакуум.

Прислонившись спиной к ледяной стене, сидел Стас. Ему было шестнадцать, но выглядел на все двадцать, сто семьдесят восемь сантиметров ростом, черная старая косуха, потертая на локтях, широкие штаны и тяжелые ботинки. Он не гнался за модой, но на нем любая тряпка с рынка смотрелась как дизайнерский шмот. Он не был красивым в классическом, журнальном понимании. В нем не было глянца поп-звезд с плакатов. Но он был тем самым типом мужской красоты, перед которым не могли устоять ни отличницы, ни оторвы. Он был воплощением первобытной, животной энергии, которая притягивает сильнее, чем смазливое лицо.

У него было лицо хищника. Резкие, четко очерченные скулы, тяжелый волевой подбородок с едва заметной ямочкой, которая появлялась, когда он сжимал челюсти. Нос прямой, с едва заметной горбинкой — след детской драки, которая только добавляла ему брутальности. Но главным магнитом были глаза. Темные, почти черные, с густыми длинными ресницами, которые в полумраке подъезда казались нарисованными. Взгляд у него был тяжелый, немигающий, гипнотизирующий. Когда он смотрел на девчонку, ей казалось, что он видит ее насквозь, до самого дна. А когда он улыбался — редко, краем рта — на левой щеке появлялась глубокая ямочка, от которой у девчонок подкашивались ноги.

Стас двигался с ленивой грацией хищника. Он не суетился. Даже когда просто стоял у стены, прислонившись плечом, он занимал всё пространство. В нем чувствовалась скрытая угроза, опасность, которая пьянила лучше любого вина. Он был тем самым «плохим парнем», от которого у правильных девочек сносило крышу, а матери хватались за сердце. Его руки — это отдельная история. Длинные, сильные пальцы с вечно сбитыми костяшками. Для девочек это было знаком его дикости, его «плохости». Они мечтали, чтобы эти грубые пальцы коснулись их шеи. Когда Стас входил в коридор, физика пространства менялась. Девчонки начинали поправлять челки, ронять ручки и глупо хихикать. Он был солнцем, вокруг которого вращалась эта маленькая школьная галактика.

Справа от него сидел Вовчик, его одноклассник. Ниже Стаса, но шире в плечах, похожий на бойцового бульдога — тяжелая нижняя челюсть, маленькие, близко посаженные глаза и сломанный, сплющенный нос. Рядом сидела и обнимала Вовчика — Киса. Она уже окончила школу, но еще никуда не поступила, зависнув в лимбе. Не красавица, но с такой концентрированной наглостью во взгляде, что с ней никто не рисковал связываться. Короткая стрижка, крашеная в иссиня-черный, пирсинг в брови, мужские цепи на джинсах и черная помада, размазанная по зубам. Слева от Стаса громоздился Винт — огромный, неповоротливый детина. Ему было лет семнадцать, но выглядел он на все тридцать. Толстая шея, переходящая прямо в плечи, и маленькие, глубоко посаженные глазки, которые почти терялись на широком, плоском лице. От него всегда пахло дешевым пивом и сыростью подвала. Еще была Маринка — самая мелкая и визгливая. Шестнадцать лет, а выглядела как дешевая, неудачная копия Кисы: те же черные тени, но размазанные до висков, та же короткая стрижка, но волосы торчали сожженными перекисью сосульками.

Стас сидел, втянув голову в плечи. Он смотрел в огонь, но видел не пляшущие языки пламени, а обои на кухне. Мать с опухшим лицом, хлещущую «Ркацители» прямо из горла. Отца, храпящего в луже борща. Он сбегал из дома в любую подворотню, в любую дыру, сбегал от ссор, от криков, от запаха перегара, который, казалось, пропитал сами бетонные стены их квартиры, въелся в обои намертво. Он смотрел на огонь и понимал, что через десять лет станет таким же, как его отец.

Решив проветрить голову, он поднялся.

— Я вниз, — бросил он в никуда и, не дожидаясь ответа, пошел к лестнице.

На первом этаже, затянувшись «Явой» и обливая струей неприличные надписи на стене, он невзначай повернул голову, чтобы посмотреть на дождь. На фоне серого, как пепел, дверного проема нарисовался высокий, нелепый силуэт.

Девчонка из его школы. Он знал ее в лицо — видел в коридорах, у раздевалки. Она всегда двигалась неловко, ходила чуть ссутулившись, втягивая голову в плечи, словно ждала, что из-за угла прилетит затрещина.

Она стояла, дрожа, прижимая к груди мокрые книги. С ее мокрой куртки, которая была вся в грязи, лило на бетон. Внутри него, под слоем дешевого спирта, синтетической дури и подросткового пофигизма, шевельнулось что-то глухое и тяжелое — почти забытое, рудиментарное чувство жалости. Она выглядела не как девчонка из школы. Она была похожа на вымокшего под ливнем котенка, которого вышвырнули в лужу у подъезда. Худая, дрожащая, с огромными, черными от расширенных зрачков испуганными глазами.

Он медленно подошел, затушив сигарету о бетонный косяк и выкинув бычок в темноту.

— Ты что тут делаешь? — голос у него сел, вышел сиплым, не своим.

Лена вздрогнула так, что, казалось, сейчас рассыплется. Увидев Стаса, она испугалась до поседения. Про Стаса ходили слухи. Плохие. Про то, как он ломал челюсти на дискотеках за косой взгляд и что с ним лучше не оставаться наедине в темноте. Она инстинктивно сделала полшага назад, вжимаясь лопатками в сырую, покрытую слизью стену.

— Свою куртку, — хрипло бросил он, кивнув на ее плечи. — Снимай.

Лена вздрогнула, не сразу поняв. Она послушно потянула за замок своей тонкой болоньевой куртки. Пальцы, онемевшие от холода, не слушались. «Молния» заела, намертво вцепившись в мокрую ткань. Стас выругался сквозь зубы, оттолкнул ее дрожащие руки и дернул собачку замка сам. Раздался треск, и куртка распахнулась. Он сдернул ее одним резким движением, обнажив Лену до тонкой, промокшей насквозь водолазки. От ее собственной куртки шел пар и запах мокрой псины.

Стас брезгливо отшвырнул ее вещь в угол.

Стас подошел вплотную. Лена зажмурилась, ожидая чего угодно — грубого рывка за волосы, запаха перегара в лицо, сальных шуток. Но он просто навис над ней темной, широкой тенью, перекрывая единственный путь к выходу.

— Руки подними, — скомандовал он.

Лена послушно, как под гипнозом, вскинула руки вверх, ладонями вперед, словно сдаваясь в плен. Стас расстегнул свою косуху. Тяжелую, настоящую, из толстой кожи, и накинул ее ей на плечи.

Лена вздрогнула не от холода, а от тяжести. Кожа была ледяной, пропитанной дождем, но под ней, сквозь мокрую ткань ее формы, чувствовался жар чужого тела. Куртка пахла табаком, дешевым спиртом и Стасом. Она села на Лену буквально в самый раз. Ткань пахла опасностью и чем-то незыблемым. Лена инстинктивно запахнула полы, кутаясь в нее, как в шкуру огромного зверя. Воротник, жесткий и потертый, лег на мокрую шею, отрезая ее от сквозняка.

Она вцепилась в косуху побелевшими пальцами, словно боясь, что он передумает, дернет за рукав и отнимет ее. Куртка была в самый раз, но этот запах — чужой, мужской, опасный — одновременно пугал до дрожи в коленях и успокаивал.

Стас заметил, как она дрожащими пальцами комкает воротник, пытаясь натянуть его выше, спрятать лицо. Он хмыкнул — короткий, сухой звук, в котором не было ни насмешки, ни тепла. Сухой щелчок. — Не дергай, — буркнул он, глядя куда-то в сторону. — Не заберу. У меня еще одна есть.

«Почему он это делает?»

Этот вопрос бился в висках Лены паническим дятлом.

«Он же Стас. Тот самый, от которого шарахаются в коридорах, когда он идет по своим делам, никого не замечая. Он не из тех, кто подает пальто. Может, это шутка? Изощренная, жестокая шутка. Сейчас он швырнет ее в лужу, наступит на руку и начнет топтать учебники. Или он из этих… кто любит малолеток?»

Но от него не пахло тем липким, сладким, тошнотворным возбуждением, которого она боялась больше всего. От него пахло табаком, холодом и дешевым спиртом.

— Как зовут? — спросил он, засунув руки в карманы штанов.

— Л-лена, — выдавила она, глядя на его кроссовки, потому что поднять глаза выше было физически больно.

— Куда шла?

— Домой… из школы…

— В такую погоду? — он скривил губы.

Лена кивнула, клацая зубами так громко, что звук отдавался в гулком бетоне. Тепло от его куртки начало медленно, неохотно просачиваться сквозь мокрую ткань формы, добираясь до озябших костей. Страх перед ним никуда не делся — он сидел где-то в животе холодным, скользким комком, напоминая о слухах, — но сейчас он перекрывался животным, первобытным ужасом снова выйти под этот ледяной водопад.

— Какой класс?

— С-седьмой, — пискнула она, и этот звук в гулком пространстве этажа прозвучал как треск ломающейся сухой ветки.

Стас замер. Его рука, засунутая в карман, сжалась в кулак так, что побелели костяшки. — Седьмой? — он посмотрел на нее внимательнее.

В его глазах не было ничего, кроме чистого, животного недоумения. Как у собаки, которой показали сложный карточный фокус.

— Сколько тебе лет?

— Т-тринадцать.

Слово ударило его под дых. Стас резко, со свистом втянул воздух сквозь сжатые зубы. Его качнуло назад, словно от невидимого, но тяжелого удара в грудь.

Тринадцать.

Его мозг отказывался складывать цифры. Тринадцать — это прыщи, дешевый клубничный блеск для губ, дневники с наклейками «Winx» и глупые сплетни на переменах.

Его замутило. Желудок спазматически дернулся, подкатывая к горлу горькой, едкой желчью. Он думал, что спасает заблудившуюся телку из десятого, которая просто смазливо выглядит. А перед ним стоял ребенок. Седьмой класс. Девочка, которой в резиновых сапогах по лужам прыгать, а не стоять в заброшенном склепе с местными торчками.

Это почему-то взбесило его. Не на нее. На мир, в котором тринадцатилетние выглядят так, что их принимают за взрослых.

— Понятно, — глухо бросил он, отворачиваясь.

Дождь кончился внезапно. Он просто иссяк, превратившись в липкую, холодную взвесь.

Стас вывел ее к дороге. Асфальт парил, остывая.

— Вон мой дом, — она ткнула пальцем в сторону желтых пятиэтажек.

— На, — он протянул ей скомканную мокрую куртку. — Забирай свою шкуру.

— И чтобы больше через гаражи не шастала. Поняла?

— Угу.

Лена кивнула, кутаясь в его куртку, которая все еще хранила жар его тела. Ткань пахла им. Она пошла, смешно загребая длинными ногами в тяжелых ботинках. Стас не пошел к друзьям. Он остался стоять, засунув руки в карманы, и смотрел ей вслед. Смотрел, как ее тонкая фигурка растворяется в сером мареве кирово-чепецкого дня. Как она пару раз оступилась, взмахнув руками, но не упала. Как она ни разу не оглянулась. Она просто шла, вжав голову в плечи, унося его куртку.

Он стоял, пока она не свернула в арку своего подъезда. Только когда хлопнула тяжелая железная дверь, Стас позволил себе выдохнуть. Он зашел обратно под крышу заброшки. Сел на холодный бетонный пол и закурил.

Он никогда не испытывал ничего подобного. Это не было похотью — при одной мысли об этом его внутренности скрутило от тошнотворного, животного отвращения. Это было что-то тяжелое, вязкое, черное, оседающее на самом дне желудка. Это было чувство, будто он случайно проглотил кусок арматуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.